

<О КОНЧИНЕ И. С. ТУРГЕНЕВА>

22 августа скончался в Буживале (поместье близ Парижа) Иван Сергеевич Тургенев. Кончина нашего знаменитого писателя не была неожиданностью. Более четверти века

постоянным его местопребыванием были чужие края, и в Россию он являлся только гостем; едва ли бы даже можно было ожидать от него новых блестящих произведений, раскрывающих нашему общественному сознанию какую-нибудь новую сторону русской общественной жизни, внутренний смысл возникающих в ней явлений и направлений (как, например, в «Рудине», «Дворянском гнезде», «Отцах и детях» и т. д.). И тем не менее смерть его образует пустоту, которую заместить нечем и нечем, вызывает, — по крайней мере в литературно-общественной среде, — скорбное чувство обеднения и сиротства. Старые крупные мастера сходят в могилу или с поприща; на смену им не является или, вернее сказать, не настала еще пора явиться новым...

Тургеневым замыкается целый период нашей художественной литературы и общественного развития, запечатленный особенным *типом* — идеализмом сороковых годов, несомненно возвышенным и гуманным, но более или менее неопределенным, малосодержательным, почти беспочвенным, более эстетическим, чем нравственно-доблестным; почти систематически чуждавшимся русского народного и исторического духа или, по крайней мере, сильно космополитическим, ощущавшим себя на Западе Европы несравненно более дома, чем в родной стране. В родной стране, впрочем, этот идеализм (нередко в литературе называемый «западничеством») обрел себе одно определенное, реальное явление жизни, к борьбе с которым, хотя бы лишь во имя «гуманности» и «общеевропейских культурных» начал, и приложил он с полной искренностью возможные для него усилия — в общем союзе с людьми так называемого народного направления: мы разумеем здесь *крепостное право*, уничтожение которого поэт-художник Тургенев поставил, по его словам, главной задачей своей жизни. И действительно, своими «Записками охотника» — едва ли не самым лучшим из его созданий — сослужил он своему отечеству и народу поистине добрую службу, после которой, однако, т<о> е<сть> после освобождения крестьян, именно в 1861 г. и променял Россию на постоянное жительство за границей¹. Тем не менее Тургенев, как истинный художник, а по природе своей, наперекор своему воспитанию и так называемым «убеждениям», и вполне русский человек (и какой благодушный, мягкосердечный, симпатичный человек!), сам из русского же дворянского гнезда, умел воспроизводить не одни только отрицательные, но иногда, с невольным сочувствием, и некоторые положительные черты русской народной жизни. Но тонкий и умный наблюдатель, он не останавливался на этих чертах, потому что уже не в силах был высвободить свою мысль из плена, которому отдал ее смолоду — «в послушание вере», т<о> е<сть> своей слепой безуслов-

ной вере в «западноевропейскую цивилизацию» и «прогресс»... Судьба этого прогресса в России, в среде подрастающих поколений, постоянно привлекала его внимание и на чужбине, — и с свойственной ему чуткостью он угадал и возвел в типы многие болезненные явления нашего развития; при этом правда художника, вопреки его собственному желанию, брала верх над неправдой мыслителя... Но не как мыслителя и гражданина, а как великого русского художника, одного из двигателей нашего общественного самосознания, как великого мастера русского слова будет поминать его вечно, с признательностью и любовью, Россия.